

Когда придворные были изгнаны, просторный главный зал внезапно опустел.

Император, пребывая в прострации, безвольно застыл на троне. Лишь спустя долгое время он словно вернул себе крупицу рассудка и, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Ваше Величество, государь, поосторожнее...

Сяо Фуцзы, согнувшись в три погибели, поспешил на помощь, но получил звонкую пощечину. Император оттолкнул его, и евнух, едва не рухнув на пол, закружился в головокружении. Тайком подняв взгляд, он похолодел: лицо его господина приобрело странный, болезненно-зеленоватый оттенок. И лишь глаза — черные, как драгоценные камни, — горели пугающим огнем, от которого по спине бежал мороз.

Раз уж даже главный евнух дворца ни за что получил удар, никто из остальных слуг и стражников не смел и шелохнуться. Они втянули головы в плечи, опасаясь, что гнев императора выплеснется на них.

Император медленно обвел зал взглядом, на его губах заиграла холодная усмешка, и он, пошатываясь, вышел за ворота.

Лишь когда все замерли в замешательстве, Сяо Фуцзы, прижимая ладонь к распухшей щеке, затопал ногами:

— Чего встали? Живо за ним! Бестолочи! Скорее, бегите во внутренние покои, доложите Вдовствующей императрице и Императрице, что сегодня Его Величество в великом гневе!

Только после его окрика остальные пришли в себя. Двое расторопных евнухов бросились вглубь дворца, а остальные поспешили следом за императором.

Император был в ярости, и никто не смел приближаться к нему слишком близко. Стражники и евнухи плелись далеко позади, дрожа от страха.

Император медленно шел по дворцу.

Слова Девятого князя, сказанные в зале, словно нанесли ему глубокую рану. Больно почти не было, но внутри разливался леденящий холод.

Резные балки и расписные узоры, драконы, извивающиеся на ступенях под ногами — он смотрел на них с холодным презрением. В груди словно застыл лед, перехватывая дыхание.

Те грозные драконы, казалось, вот-вот оживут и сомкнут кольца вокруг него, сжимаясь всё туже, словно шелковая удавка на шее.

Хозяин. Он был хозяином этого величественного дворца.

Каждая травинка, каждое дерево принадлежали ему.

Нет...

Это он принадлежит этой траве и этим деревьям...

— Ваше Величество...

Рядом внезапно раздался робкий голос.

Император вздрогнул и обернулся. Это снова был Сяо Фуцзы, который, заискивающе улыбаясь, прошептал:

— Посмотрите, Ваше Величество, Вдовствующая императрица и Императрица идут сюда. — Он указал вперед.

Матушка?

Точно, он Император, опора для всех этих людей, как он мог потерять самообладание?

Император опомнился и посмотрел вперед: за занавесью из водяных струй, скрывавшей цветник, показалась группа людей. Впереди шла Вдовствующая императрица, а Императрица почтительно поддерживала ее под руку.

Император сделал несколько шагов навстречу и сам подхватил мать под локоть:

— Матушка, зачем вы пришли?

— Дошли слухи, что сегодня на утренней аудиенции ты был в гневе? — Вдовствующей императрице недавно исполнилось сорок, но благодаря заботе она выглядела не старше тридцати. Она внимательно оглядела сына и нахмурилась: — Император, сердиться — дело нехитрое, но нельзя же так изводить себя. Сейчас полдень, зачем ты бродишь под палящим солнцем? Слуги совсем не умеют прислуживать, их следует сурово наказывать.

Только после ее слов император почувствовал, что ему и вправду жарко. Солнце стояло в зените, заливая светом весь мир. Он был в официальном одеянии, многослойных одеждах, золотом халате с драконами и тяжелых сапогах — от этого его прошибло потом.

Император натянуто улыбнулся:

— Вовсе я не сердился, просто стало душно, захотелось размяться. Матушка, позвольте, я провожу вас и составлю компанию за обедом.

Вдовствующая императрица покачала головой с улыбкой:

— Если у тебя есть время, лучше поговори с Императрицей. Она услышала о твоём гневе и перепугалась до смерти, сразу же подхватила меня и поспешила сюда. Вы, супруги, в последнее время совсем не видите.

Император замер, глядя на Императрицу.

Он никогда не испытывал особой страсти, а после восшествия на престол и вовсе охладел. Супружеские обязанности выполнял лишь ради приличия. В последнее время он был занят государственными делами, а потом еще объявился этот негодяй Цан Нуо — времени на жену совсем не оставалось. Он и подумать не мог, что она побежит жаловаться Матушке.

Поймав взгляд императора, Императрица молча опустила глаза.

Они проводили Вдовствующую императрицу во дворец, обменялись парой дежурных фраз и откланялись. Император и Императрица молча возвращались по дорожкам императорского сада.

В душе императора бушевало пламя, но он хранил молчание. Войдя в покои, он тяжело опустился в кресло с мрачным лицом.

Императрица, заметив это, приказала слугам удалиться, подошла к мужу и тихо произнесла:

— Вы неверно меня поняли, Ваше Величество. Я пошла к Матушке вовсе не для пустых разговоров. Просто Благородная супруга Шу сейчас носит дитя, а ее дворец Юньли расположен слишком далеко, я опасалась, что если что случится, помощь не успеет вовремя. Хотела просить Матушку переселить ее в более удобные покои.

Услышав это объяснение, император смягчился:

— Я и не думал тебя подозревать. Ты всегда была добродетельна, я знаю.

Только тогда Императрица осмелилась присесть напротив и осторожно спросила:

— На кого же вы сегодня гневались? Слышала, вы даже Сяо Фуцзы ударили?

— Это государственные дела, тебе не понять.

Императрица мягко ответила:

— Верно, где уж мне понять. В делах управления я совсем не смыслю.

Император поднял голову и неожиданно посмотрел на нее. Они не были близки уже несколько дней, и теперь, увидев ее нежный профиль, он вдруг ощутил прилив нежности. Раздражение утренней аудиенции немного отступило, и он с улыбкой спросил:

— А в чем же ты смыслишь больше всего?

Императрица, уже давно не видевшая такой ласки от мужа, тихо ответила, едва слышно:

— Я умею лишь верно служить Вашему Величеству.

Император снова улыбнулся:

— Тебе нравится мне служить?

— Разумеется.

— Почему?

— Потому что вы — Император, — ответила она.

Императора словно кольнули иглой. Его сердце болезненно сжалось, лицо изменилось, и он замолчал.

— Ваше Величество? — Императрица тревожно заглянула ему в лицо.

Потому что он — Император...

Конечно, потому что он Император.

Император посмотрел на перепуганную жену. Она не сказала ничего дурного, это он сам накрутил себя. Его супруга, кроткая и рассудительная, прекрасно управляющая шестью дворцами — к чему он придирается?

Он смягчился и выдал слабую улыбку:

— Я просто задумался о другом. Императрица, подойди, дай мне рассмотреть тебя получше.

Увидев его улыбку, она успокоилась и грациозно подошла:

— Что такое?

Он внимательно смотрел на нее. Столько лет вместе, а он будто впервые по-настоящему вгляделся в ее черты. Такая молодая, а уже несет на плечах заботу о гареме и службе Вдовствующей императрице. Истинная добродетельная императрица.

Эта мысль вызвала в нем новую волну нежности.

— Подойди еще ближе.

Она сделала шаг.

Император кончиками пальцев поправил прядь волос на ее лбу, отчего та мягко упала, оттеняя фарфоровую кожу. Это выглядело очень красиво.

Императрица смущенно заерзала, щеки ее залил румянец, и она тихо спросила:

— Что вы делаете, Ваше Величество?

Эта застенчивость делала ее еще более привлекательной. Сердце императора потеплело, он почувствовал укол вины за то, что давно не проводил с ней ночи, и сказал:

— Императрица, подойди ближе, — и потянулся, чтобы обнять ее за плечи.

Но она, словно ужаленная, резко отпрянула.

— Что такое?

Императрица опустила глаза:

— Ваше Величество, сейчас ведь день.

Император рассмеялся:

— Ну и что, что день? Кто посмеет ворваться сюда? К тому же мы законные супруги.

Он снова протянул руку, но Императрица, испугавшись еще сильнее, отступила на шаг и, подобрав тяжелые шелковые полы халата, рухнула на колени.

Теперь даже император опешил:

— Императрица, что с тобой? Даже меня коснуться нельзя?

— Я не смею, — Императрица подняла голову. Румянец исчез, лицо стало бледным, но взгляд — решительным. Она закусила губу: — Ваше Величество, я должна дать вам совет.

— Говори.

— Вы — Сын Неба. Ваш титул высок, каждое ваше движение — пример для народа. Я, как мать страны, не могу позволить себе потакать вам в распутстве средь бела дня. Более того, я считаю, что и наложницы гарема должны блюсти достоинство и заботиться о вашем здоровье...

Императрица запнулась, прочистила горло и собралась продолжить.

Улыбка императора исчезла без следа. Его исхудавшее лицо стало подобно каменной маске. Он резко прервал ее:

— Довольно.

Императрица вздрогнула:

— Ваше Величество прогневалось?

— Я... не гневаюсь. — Император встал, не глядя на коленопреклоненную жену. Он смахнул с подоконника свежесрезанные цветы и горько усмехнулся: — Ты права. Совершенно права! Ты, ты верно сказала! — Он повысил голос, но тут же одернул себя.

Проявлять чувства — величайший порок правителя.

Императрица — глава гарема, ее совет был вполне оправдан.

Однако вся его нежность была растоптана, даже цветы, казавшиеся раньше прекрасными, теперь вызывали лишь раздражение. Он огляделся: огромные покои, такие знакомые и в то же время чужие. Холодные, без капли тепла.

Помолчав, император глухо произнес:

— Встань, Императрица. Ты права: я — Сын Неба, ты — мать государства. — Он тяжело вздохнул.

Она поднялась, понимая, что настроение императора испорчено, и, опустив руки, замерла в стороне, не смея больше проронить ни слова.

Император постоял в оцепенении, потом снова вздохнул и вышел из зала.

Сяо Фуцзы поспешил следом с парой евнухов, но император взмахом руки отогнал их и побрел прочь в одиночестве.

За это короткое время небо затянуло тучами, солнце перестало слепить глаза.

Тяжела участь Сына Неба.

Кто знает, как трудно быть «Девятым и Пятым Владыкой»?

Те, кто ползает внизу, никогда не поймут, каково это — сидеть на троне, называя себя одиноким и лишенным поддержки.

Слишком много мыслей.

Великая империя, ныне лишь носит гордое имя, но бывшего величия, что заложил Император-основатель, не осталось и в помине.

Многолетняя праздность породила слабость.

Ныне Аннань, Рюкю, Корё — все они ежегодно приносят дань, но одновременно проводят масштабные наборы и учения. Кто знает, что у них на уме?

А еще этот Кидань...

Интересно, как там Цан Нуо?

Этот варвар... Император резко остановился, заметив, что стоит под шпалерой с вьющимися растениями. Несколько желтых листьев, подхваченных осенним ветром, медленно покачивались среди зелени.

Почему он опять вспомнил о нем?

Император нахмурился.

Но разве можно не думать? Сцена с умоляющими придворными сама собой всплывала в памяти, и ее невозможно было прогнать. В глазах Девятого младшего брата читались беспомощность и сочувствие.

Чжэн-эр.

Звук, взявшийся из ниоткуда, пронесся ветром и проник в уши. Сердце императора словно дрогнуло от резкого щипка. Он обернулся, озираясь по сторонам.

Позади было пусто. Только неизменные, прекрасные виды.

— Ваше Величество?

Снова голос.

Император нахмурился еще сильнее.

Ваше Величество? Почему не Чжэн-эр?

— Ваше Величество?

Он нашел источник звука. Недалеко на коленях стояла женщина в придворном наряде с двумя служанками.

— А, это Благородная супруга Шу, — император пришел в себя, мельком взглянул на ее округлившийся живот и смягчил тон: — Чего стоишь на коленях? Вставай.

После того как она понесла наследника, ее смелость перед императором и Императрицей возросла. Она поднялась, и на ее круглом лице заиграли ямочки:

— Я издалека увидела вас, Ваше Величество, думала, вы заглянете во дворец Юньли, не ожидала, что вы остановитесь здесь. — Она подошла ближе и с удивлением посмотрела вверх: — Что такого интересного в этой шпалере, что вы так внимательно разглядывали ее?

Император не хотел говорить с ней о делах, а глядя на ее лучезарную улыбку, не решился огорчать ее и выдал подобие улыбки:

— Шпалера, конечно, не сравнится с тобой. Я как раз собирался к тебе, пошли.

Он спросил:

— Как твое самочувствие? Имперские лекари приходят каждый день?

— Каждый день, — Благородная супруга Шу была рада вниманию императора. Она пошла рядом, рассказывая: — Вчера виделась с Императрицей, она советовала: мол, раз живу в сытости и довольстве, то должна не бездельничать, а беречь драгоценный плод в чреве, чтобы воспитать для страны и государства достойного защитника, это будет моим вкладом.

Император не ожидал таких слов и остановился:

— Это мой сын, как можно называть его слугой?

Слово маленький слуга было привычным для дворца, его часто произносили и Матушка, и Императрица, и сам император. Но для Благородной супруги Шу это слово сегодня оказалось под запретом. Она продолжала улыбаться, подлизываясь:

— Ваше Величество — повелитель всех людей, под небесами все — лишь ваши слуги.

Лицо императора стало холодным, но он не хотел отчитывать беременную наложницу:

— Отец и сын — одна семья, наша кровь едина. Вы — моя семья, к чему эти речи о господах и слугах?

Но наложница, привыкшая к всеобщему вниманию после беременности, не уловила перемены в голосе императора:

— Другие могут так думать, но вы — нет. Я часто слышала от господина Вана и других ученых мужей, что Сын Неба не имеет семьи...

— Замолчи! — рявкнул император. — Ты всего лишь наложница, хочешь учить меня?

Благородная супруга Шу, которая только что была так радостна, вмиг побелела. Она рухнула на колени, даже не смея поднять головы, и задрожала от страха:

— Я... я не смею...

Служанки, видевшие, как мирная беседа внезапно обернулась гневом, перепугались не меньше и затряслись, упав на колени вслед за госпожой.

Император чувствовал, что его гнев не находит выхода. Он посмотрел на не в меру болтливую

наложницу, подумав, что если ее испугать и повредить ребенку, то и самому будет нехорошо, да и Матушка не одобрит. Он сдержался, прикусив тонкую губу, и кивнул служанкам:

— Чего стоите? Помогайте своей госпоже и уходите.

Сам он развернулся и ушел.

Бедная Благородная супруга Шу, когда ее подняли, не могла стоять на дрожащих ногах. Она провожала взглядом спину императора, пока он не скрылся в увядающих зарослях цветов.

Получив дважды порцию ледяного душа, император окончательно рассвирепел. Забыв о саде, он с мрачным лицом зашагал к Залу Извивающегося Дракона — своим личным покоям.

Сяо Фуцзы, увидев, что император возвращается, тут же поспешил навстречу, преграждая путь:

— Ваше Величество, вы, должно быть, голодны? Подать ли обед?

Он знал о скверном настроении господина и старался быть предельно осторожным, не произнося ни слова лишнего.

Император искоса посмотрел на него и вдруг подумал: он так лебезит передо мной лишь потому, что я — господин, от которого зависят его жизнь и богатство. А я господин лишь потому, что за моей спиной стоит эта империя. Если я ее потеряю, стану ли я для них господином? Как они будут смотреть на меня тогда?

Впервые в жизни этот вопрос пришел ему в голову. От него стало невыносимо душно и тяжело.

— Прочь, — бросил он.

Он ворвался в покои, увидев внутри несколько служанок, и раздраженно приказал:

— Пошли вон!

Служанки в панике бросились врассыпную. Но императору этого было мало, он дошел до дверей и рывкнул на стражу:

— Вон! Все вон!

Он с грохотом захлопнул дверь.

Евнухи и служанки разбежались, стражники, чьим долгом было стоять на посту, помялись, но, вспомнив, как утром пострадали их коллеги у павильона Юнтань, не рискнули дразнить дракона. Они молча отступили подальше.

Зал Извивающегося Дракона внезапно опустел, в нем не было слышно ни звука.

Император сел в кресло, пребывая в глубоком оцепенении. Постепенно разум начал проясняться.

Почему он так злился?

Из-за того варвара?

Величие Сына Неба не терпит подобных вспышек.

Нет, нет, не из-за этого дикаря.

Вдруг он вспомнил, что приказал наказать Юлана. Интересно, как там этот маленький обезьяныш? Получил ли урок?

Перед глазами императора невольно возник образ Юлана, сжавшегося в объятиях Девятого младшего брата и жалобно стонущего.

Хотя ему досталось, его хотя бы жалели.

От этой мысли император не смог усидеть на месте. Казалось, тронная подушка, символ власти, была набита иглами. Он вскочил и принялся нервно расхаживать по комнате.

Чжэн-эр...

Откуда Цан Нуо узнал его имя?

Уже много лет никто не называл его так.

— Чжэн-эр... Чжэн-эр... — эхом раздалось в комнате. Он осознал, что произнес имя вслух, и почувствовал себя глупо.

Правитель империи — и ведет себя столь нелепо. Что, если об этом узнают подданные?

— Чжэн-эр... — он снова сел и покачал головой.

Сейчас важнее всего разобраться с Киданем. У варваров похитили принца, они могут воспользоваться этим как предлогом для войны. Возможно, они только этого и ждали.

Не ловушка ли это?

— Чжэн-эр...

Император тряхнул головой. Проклятье, этот звук в ушах не давал сосредоточиться.

Куда подевались слуги? Даже чаю подать некому.

Он поднял голову, намереваясь, переступив через достоинство, самому налить чаю. Но не успел пошевелиться, как чьи-то крупные руки легли ему на плечи.

Столь близкий, интимный жест — даже Императрица никогда бы так не поступила.

— Чжэн-эр? — голос проник в самое сознание.

Это не галлюцинация.

Император вздрогнул. Ученый горьким опытом, он уже был готов. Не оборачиваясь, он нащупал в рукаве кинжал и ударил назад.

Позади раздался глухой стон, и рука на плече тут же исчезла.

Император вскочил и обернулся с яростью в глазах:

— Цан Нуо, как ты смеешь!

Кинжал, припрятанный в рукаве, он взял утром из казны — маленький, но невероятно острый. Не думал, что он пригодится так скоро.

Это и вправду был Цан Нуо.

Он проявил излишнюю самоуверенность, тоска взяла верх, и, увидев императора в одиночестве, он рискнул подойти. Кто бы мог подумать, что нарвется на нож? Он горько усмехнулся и развел руками:

— Хорошо, что я успел среагировать, иначе погиб бы от твоей руки.

Император был уверен, что попал в сердце, но приглядевшись, увидел, что кровь течет по предплечью — видимо, Цан Нуо успел подставить руку.

— Хорошо? — Император, сжимая окровавленный кинжал, оскалился: — Проникнуть во дворец с дурными намерениями. Стоит мне крикнуть, и ты, убийца, попрощаешься с жизнью!

Цан Нуо, видя, что император готов ударить снова, отступил на пару шагов:

— Чжэн-эр, осторожнее, не поранься сам. — Он сел на постель и, с треском оторвав кусок простыни, принялся перевязывать рану.

С таким спокойствием, что даже неловко становилось.

Император был поражен.

Этот парень не боится смерти?

Или варвары и впрямь глупы как свиньи и не понимают последствий?

Теперь пришла его очередь мучиться: позвать стражу или нет?

Если следовать порыву — конечно, позвать. Пусть стражники ворвутся, изрубят его на куски и бросят в ров кормить рыб.

Но шила в мешке не утаишь. Если принц Киданя умрет здесь, война неизбежна. Киданьцы решат, что похищение принца этим утром было по его приказу, и оправдаться не удастся.

Сам он погибнет — не беда, но как же невинный народ, который пострадает от войны?

Всю свою жизнь он получал всё, что хотел, и никогда не оказывался в столь неловком положении.

Император замер с кинжалом в руке, не зная, сесть или стоять, глядя, как Цан Нуо сидит на его «драконьем ложе», беззастенчиво рвет его «драконьи простыни», пачкая кровью постель, где почивает истинный Сын Неба.

<http://bllate.org/book/21146/2144234>